

Съ развѣдчиками 30-го полка по Урянхайскому краю и Монголіи.

(Дневникъ начальника команды развѣдчиковъ 30-го Спб. стрѣлк. полка).

(Продолженіе 1).

Пять на распростертыхъ рукахъ появился голубой шелковый «ходакъ», но ужъ лучшаго качества и большей длины. Я черезъ Яковлева, бойко говоришаго по-сойотски, передалъ чиновникамъ, что очень буду радъ познакомиться съ ними впоследствии, но теперь «ходака» не надо, и разговаривать съ ними не могу, а приказываю имъ немедленно вернуться на Джеданъ и передать нойону Ухеризъ, что я прибуду къ нему завтра къ вечеру и чтобы къ тому времени мнѣ и моимъ солдатамъ были поставлены такія же юрты, какъ и улясутайскому дзюргану.

Безпокойно забѣгали прищуренные глазки туслакчи; быстро-быстро заговорилъ о чемъ-то со своимъ товарищемъ и затѣмъ убѣдительно, страстнымъ тономъ сталъ доказывать что-то такое Яковлеву.

Пока шли переговоры, я разглядывалъ желтыя, словно пергаментныя, лица моихъ посѣтителей.

1) См. «Военный Сборникъ», № 7.

Скуластая, одуловатая физиономія туслакчи своими синими прожилками и распухшимъ носомъ изобличала пристрастіе къ араки и мунгали, хмѣльнымъ напиткамъ, съ усміхомъ замѣняющимъ у сойотъ нашу родимую монопольку. Интереснѣе было лицо мэрinna. Покатый лобъ, орлиный носъ, смѣлый выгибъ бровей, тонкія, сжатія губы сильно разнились отъ характернаго типа тюрко-финской расы, свойственной большинству сойотъ. Что-то знакомое, какое-то неясное, отдаленное воплощеніе Майнъ-Ридовскаго краснокожаго, чувствовалось какъ въ чертахъ лица, такъ и во всей его стройной, сухощавой, мускулистой фигурѣ (рис. № 1).

Рис. № 1.

Урянхайскіе чиновники въ селѣ Верхне-Усинскомъ.

Одѣты были гости въ бѣлыхъ халатахъ изъ бараньихъ шкуръ, богато расшитыхъ чернымъ плисомъ, въ собольихъ шапкахъ, украшенныхъ цвѣтнымъ шарикомъ и малиновыми лентами, въ вышитыхъ разноцвѣтными узорами китайскихъ сапогахъ съ остроконечными носками—такіе, вѣроятно, носились у насъ стрѣльцами до Петровскаго времени.

За широкой опояской изъ цвѣтной бязи были заткнуты длинная трубка съ богатымъ мундштукомъ, пестрый шелковый кисетъ для табаку и огниво съ причудливыми металлическими украшениями.

Умолкъ, наконецъ, быстрый, отчетливый говоръ туслакчи и Яковлевъ, поглаживая свою широкую бороду, сталъ мнѣ объяснять содержаніе его рѣчи.

«Прежде всего, туслакчи и мэринъ говорятъ, что они экстренно посланы нойономъ съ Джедана, чтобы привѣтствовать васъ и пожелать вамъ здоровья, и счастья, и долгой жизни. Очень жалѣеть нойонъ, что самъ лишенъ высокаго удовольствія встрѣтить лично такого пріятнаго гостя. Конечно, самъ Букду Ухериза Хейдуба и всѣ чиновники Бейсы и Да-хошуновъ будутъ несказанно рады видѣть васъ и всѣхъ богатырей солдатъ въ своихъ бѣдныхъ стойбищахъ. Этому же удовольствія жаждетъ уже четвертый день пріѣхавшій изъ Улясутая амбань-хубей, дзюрганъ всѣхъ захребетныхъ урянхайскихъ хошуновъ. Но что касается юртъ, то нойонъ, страшно обремененный заботой устроить и прокормить всѣхъ чиновниковъ, прибывшихъ изъ Улясутая, вѣроятно, не найдетъ возможнымъ исполнить ваши приказаніе».

«Въ такомъ случаѣ, Андрей Ивановичъ, передайте имъ, что я по пріѣздѣ на Джеданъ, выгоню нойона изъ его собственной юрты, какъ тарбагана изъ норы, и поселюсь въ ней. Чтобы такъ дословно ему передали. И еще объясните, что очень радъ буду познакомиться съ ними, и чай, и араки будемъ пить и друзьями станемъ, какъ только исполню всѣ приказанія главнаго русскаго нойона. А теперь некогда, пускай уѣзжаютъ! Мэндэ!»

Покорно вышли сойоты на дворъ, незамѣтными, ловкимъ прыжкомъ очутились въ сѣдлѣ, и быстрой иноходью лошадки ихъ умчались въ гору, по направленію княжеской ставкѣ.

Не утро развѣдчики пріодѣлись въ форменныя шинели, сапоги, подправили снаряженіе, применули штыки и на купеческихъ сытыхъ лошадяхъ съ бубенцами и колокольчиками, отрядъ помчался на Джеданъ.

Меня повезъ самъ хозяинъ въ тарантасѣ, запряженномъ тройкой Бяковскихъ бѣгунцовъ, славящихся на весь Кемчикъ. Часа черезъ два онъ обѣщалъ доставить насъ къ ставкѣ нойона, расположенной отъ заведенія Бякова верстахъ въ тридцати.

Дорога пролегла по отлогимъ возвышенностямъ, окаймляющимъ правый берегъ Кемчика. Долина рѣки, шириной верстъ въ 10—15, примааетъ степной характеръ. Кочковатые болота и галечные наносы сопровождаютъ русло съ обѣихъ сторонъ. Густыя заросли колючаго кустарника и рощи высокихъ раскидистыхъ топо-

Рис. № 2.

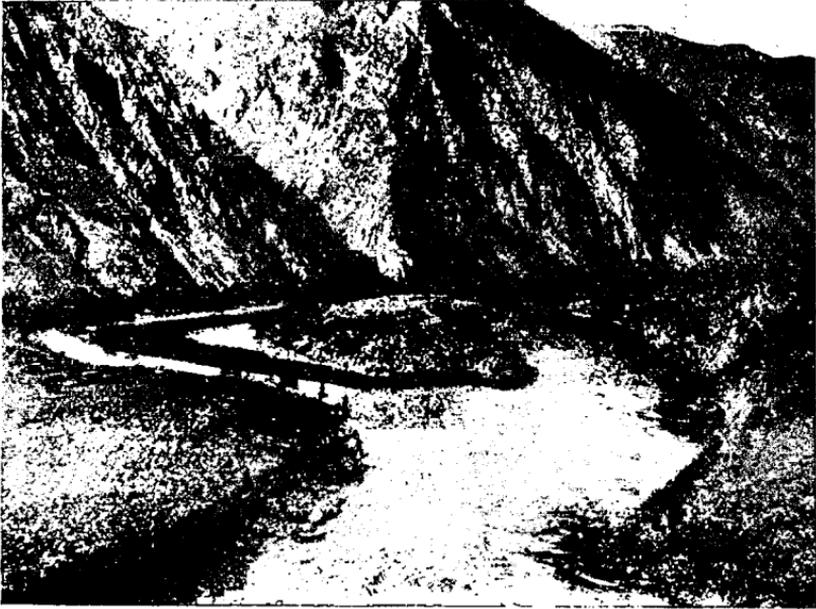
Замка Черневича, перваго піонера русской культуры въ Урянхайскомъ краѣ на Бей-Кемѣ.

лей окаймляютъ теченіе Кемчика. Съ сѣверо-востока въ него вливаются рѣчки Джеданъ и Дженаганъ, берущія начало въ горахъ Танну-Ула. Широкая, ровная долина этихъ рѣчекъ прорыта извилистыми ложбинами, усѣяна кочками и лѣтомъ представляетъ прекрасныя пастбища. Скаты безлѣсны, лиственница растетъ только въ укрытыхъ отъ вѣтра лощинахъ и узкой лентой чернѣетъ вдоль береговъ рѣчекъ.

По Джедану проходитъ торговый путь съ Енисея и Кемчика въ Уланкомъ и Кобдо. Перевалы черезъ Танну-Ула не представляютъ затрудненій для колеснаго движенія. Торговые караваны и обозы совершаютъ путь изъ Кобдо на Дженаганъ въ 6—7 дней и оттуда до Джакуля въ 2 дня.

Въ настоящее время идетъ усиленная работа по устройству судоходства по верхнему Енисею на участъ отъ означенной долины до Усть-Усинскаго — взрываютъ пороги, подводные камни, на устьѣ Казырь-Сука производится шлюзованіе порога. Такимъ образомъ, Джакуль явится исходнымъ пунктомъ важной артеріи, которая свяжетъ центръ сѣверо-западной Монголіи съ ближайшей судоходной рѣчкой, Енисеемъ, а вновь строящаяся желѣзнодорожная линія Минусинскъ — Ачинскъ, окончательно укрѣпитъ связь монгольскихъ коммуникаціонныхъ путей съ великой Сибирской дорогой.

Рис. № 3.

Енисей ниже устья р. Кемчика.

Первыя подробныя описанія маршрутовъ въ области Урянхайскаго края и по системѣ озеръ Убса-Норъ и Киргизъ-Норъ дала экспедиція Шварца въ 1858 году. Съемки поручиковъ Рашкова и Крыжина послужили матеріаломъ для составленія знаменитой карты южной Сибири, изданной полковникомъ Шварцемъ въ масштабѣ 40 верстъ въ дюймѣ, на 7 листахъ. Слѣдуетъ упомянуть еще о трудахъ Матусовскаго, Ражаповича и другихъ военныхъ топографовъ. Въ научномъ отношеніи сѣверо-западная Монголія изучена Кастреномъ, отчасти Крапоткинымъ, затѣмъ Потанинымъ и Адриановымъ. Къ работамъ послѣдняго времени, имѣющимъ научную цѣнность нужно отнести труды полковника Попова: «Черезъ Саяны» — «Московская торговая экспедиція 1912 года» и инженера Раевича: «Урянхайскій край».

Но еще сотни лѣтъ тому назадъ, на зарѣ покоренія невѣдомой Сибири, ѣздили ратные люди за лѣса темные, черезъ горы высокія въ степи монгольскія, гдѣ тогда кочевали народы, подвластные Алтынъ-ханамъ.

По рѣкѣ Кемчику, по «Мацкой» землѣ путешествовали казачій атаманъ Тюменецъ и десятникъ Петровъ еще въ 1616 году. Въ своихъ путевыхъ «сказкахъ», представленныхъ томскому воеводѣ,

они описали былиннымъ слогомъ «какъ шли провѣдывати про Китайское царство и про Обь великую рѣку и про инья государства», какъ принимали ихъ Алтынъ-хань со своимъ родомъ и знатными людьми, одѣтыми въ парчевое и атласное платье, какъ чествовали посланниковъ великаго государя Михаила Θεодоровича, всея Руси самодержца, пищей и питьемъ и подарками многоцѣнными, какъ съ почительностью великою была выслушана грамота царская и какъ, «подымая на рукахъ своего бога», Алтынъ-хань со всѣмъ родомъ и племень принялъ присягу на вѣрноподданство великому Царю Московскому.

Въ старинныхъ сибирскихъ актахъ упоминаются еще имена боярскаго сына Корцкина, Гречанина, казачьяго головы Литосова изъ Томска, пятидесятника Кольцова изъ Красноярска и другихъ.

Въ классическихъ трудахъ Фишера и Андріевича по исторіи Сибири мы находимъ указанія на то, что первые цари наши изъ дома Романовыхъ орлинымъ взоромъ проникали въ глубь Монгольскихъ странъ. Въ теченіе почти всего XVII столѣтія воеводы томскіе и енисейскіе по царскимъ указамъ посылали посольство за посольствомъ къ Алтынъ-хану. Представители этой династіи послѣдніе отпрыски рода Тамерланова, также отправляли своихъ посланцевъ въ Томскъ и въ Москву, но скорѣе для выпрашиванія подарковъ, нежели съ цѣлью укрѣпленія отношеній съ московскимъ правительствомъ.

Къ ихъ владѣніямъ принадлежали бассейны рѣки Кемчика, верхняго Енисея и озера Убса-Норъ съ рѣкой Тясю—весь Урянхайскій край и южные склоны хребта Танну-Ула. Кромѣ того, къ ихъ владѣніямъ относились части нынѣшней Енисейской губерніи, уѣздъ Минусинскій и южная часть Ачинскаго уѣзда съ кочевьями черневыхъ татаръ.

Но вслѣдствіе отдаленности, недостаточности русскихъ военныхъ силъ, разбросанныхъ по городкамъ и сторожевымъ острогамъ, злїаніе русскихъ на Алтынъ-хановъ было всегда слабое.

А народцы и племена тюрко-монгольской расы, кочующіе по сѣверному склону Саянскаго хребта, только номинально подчинялись монгольскимъ князьямъ и постоянно дѣлали нападенія и набѣды на остроги Ачинскій, Караульный и Канскій, доходили даже до Кузнецка, Красноярска, Томска, выжигали заимки, уводили въ плѣнъ русскихъ засельщиковъ.

Вооружены были южно-енисейскіе инородцы луками и стрѣлами, копьями, саблями и кольчугами собственнаго изготовленія;

умѣли они пользоваться и успѣшно дѣйствовали огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ витринахъ Минусинскаго музея можно видѣть тяжелые мечи, странной формы рогатины, булавы, боевые топоры и шлемы, вырытые изъ могилъ Абаканской степи.

Отстаивая свою свободу и независимость, южно-енисейскіе батыри храбро дрались съ русскими; въ 1682 году они сожгли Ачинскій острогъ, въ 1696 году—острогъ Канскій. Самый смѣлый набѣгъ совершили они въ 1700 году, когда тысячное войско ихъ подошло къ городу Кузнецку. Гарнизонъ Кузнецка цѣлую недѣлю отбивался за бревенчатыми стѣнами, поражая татаръ изъ пищалей и фальконетовъ, но расположенный въ окрестностяхъ города Рождественскій монастырь былъ сожженъ до-тла; разграблены были деревни и заимки, не убранный хлѣбъ потоптали и потравили конями татаре, угнали скотину и не мало побили и въ полонъ увели какъ русскихъ людей, такъ ясачныхъ инородцевъ. Въ томъ году татарская орда подступила къ самому Красноярску и сожгла деревни Пугачево, Торгашину, Ладейку, Есаулово.

Тогда, въ 1700 году, пришла изъ Москвы царская грамота, съ указомъ томскому воеводѣ окончательно усмирить енисейскихъ татаръ, для чего повелѣно было «списаться воеводамъ городовъ Кузнецка, Томска и Красноярска въ добромъ согласіи и зрѣломъ учиненіи о воинскомъ артикулѣ», созвать опытныхъ и бывалыхъ ратныхъ людей, чтобы вырѣшить, какъ удобнѣе и въ какое время вести операціи противъ безпокойныхъ и дерзкихъ сосѣдей.

И вотъ въ 1703 году, осенью, въ Томскъ собралось конное войско съ обозами и пушками, но по случаю глубокаго снѣга въ земли татарскихъ улусовъ попасть нельзя было. Тогда въ декабрѣ того же года было послано 500 человекъ на лыжахъ, обшитыхъ камусомъ. Продовольствіе, боевые припасы и нѣсколько единороговъ были нагружены на легкія нарты, какія и сейчасъ употребляются сибирскими охотниками.

Отрядъ, черезъ Верхне-Томскій острогъ прямо тайгой, черезъ застывшія рѣчки Кожухъ и Сарту прошелъ къ озерамъ Бѣлому и Божьему, въ окрестностяхъ котораго было уничтожено болѣе 50 юртъ, убито и взято въ плѣнъ до 1000 татаръ. Покорились тогда роды Абаканскихъ, Кизильскихъ и Асызскихъ татаръ. Послѣ возведенія Саянскаго и Абаканскаго остроговъ, верстахъ въ 100 южнѣе Минусинска, русское владычество окончательно упрочилось въ краѣ.

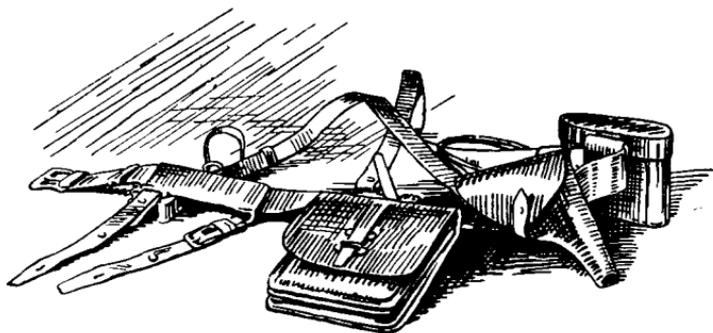
Въ славныхъ лѣтописяхъ русской арміи не сохранились имена

тѣхъ безвѣстныхъ служилыхъ людей, пушкарей, стрѣльцовъ, казакиѣ головъ и пятидесятниковъ, которые на зарѣ Петровскаго вѣка беззавѣтно и самоотверженно служили Государю и родинѣ. Въ лютые морозы, по непроходимой тайгѣ, черезъ застывшія рѣки пробирались они къ вражескимъ улусамъ и громъ фальконетовъ вселялъ страхъ и трепеть въ сердца непокорной орды.

Давъ этотъ бѣглый очеркъ покоренія южно-енисейскаго края, я позволю себѣ обратить вниманіе читателя еще не одно любопытное обстоятельство. Важные думные бояре, возсѣдающіе въ Московскихъ приказахъ того времени не рѣшались посылать на окраины Сибири для руководства ратнымъ дѣломъ подъячихъ, приказныхъ, или иныхъ «столоначальниковъ», а поручали царскимъ воеводамъ выбрать на мѣстѣ людей, испытанныхъ и вѣрныхъ, знающихъ какъ страну, такъ и характеръ и свойства противника. И вотъ честно и грозно служили «Государеву Дому» на далекихъ окраинахъ такіе люди, воины душой и тѣломъ—не чета современнымъ гастролерамъ, культуртрегерамъ, инструкторамъ....

Б. Августусъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вс.